

Тостем этого номера нашего журнала является доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранцев-нефилологов Санкт-Петербургского университета Василий Васильевич Химик, выпускник Калининградского государственного университета (1970). В круг своих научных интересов Василий Васильевич включает грамматику, лексикологию, лексикографию, коллоквиалистику, жаргонографию. Автор ряда книг, пособий и словарей.

Беседу с гостем ведет заместитель главного редактора журнала по лингвистике, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Наталья Григорьевна Бабенко.

***Н. Б.** Василий Васильевич, расскажите, как, чем помнится Вам Калининградский университет (в именах, событиях, открытиях, приобретениях и потерях)?*

В. Х. Калининградский университет вспоминаю ностальгически и с самыми добрыми чувствами. Плохое призабылось, хорошее выросло в цене. Да и в плохом большей частью виноват я сам. Потери, конечно, были: это много непрочитанного, недочитанного, недоученного. Слишком много времени отдавал суете, юношеским развлечениям и не взял многое из того, что мог и должен был получить у своих учителей: А. Н. Шрамма, Г. В. Степановой, Р. В. Алимпиевой, Л. А. Калининкова. Впрочем, эти замечательные ученые сумели-таки пробудить во мне интерес и вкус к научным занятиям. За это я им очень благодарен. А еще было много хорошего, полезного и поучительного общения со светлыми людьми: Т. Л. Вульфович, А. С. Михайловым, Е. А. Шаниным.

А главное мое приобретение в Калининградском университете — это моя однокашница и жена Ирина Александровна, с которой мы уже 37 лет вместе вспоминаем университет и Калининград.

***Н. Б.** В свое время Вы были среди немногих защитников Королевского замка (и были за это наказаны?). Сегодня говорят о возможном (невозможном?) восстановлении замка. Как Вам эта идея?*

В. Х. Да, действительно, было такое событие в моей жизни. Пытался что-то доказывать на каких-то собраниях. Даже компромиссную мотивацию тогда придумал: устроить в замке Музей антифашизма и антимили-

таризма. И друзья-однокурсники шумно поддерживали. И наказан был, действительно, хотя не могу сказать, что сильно пострадал: времена уже были другие. Конечно, это была юношеская наивность, но помню, что был совершенно уверен в глупости властей и в том, что придет время — пожалеют о содеянном. Так и вышло.

Восстановление Королевского замка? Увы, восстанавливать нечего, можно только заново выстроить, новодел создать, а это просто нелепо во всех отношениях.

Н. Б. У каждого старого города — своя мифология, свой текст. Каким Вам видится текст Калининграда? Или Калининграда-Кёнигсберга? Или только Кёнигсберга?

В. Х. Конечно, текст Калининграда-Кёнигсберга, а не Калининграда или Кёнигсберга. И текст этот для меня трагический. Я не сразу этим проникся, не сразу понял. Невозможно читать его страницы и не думать о катастрофе Кёнигсберга: погублена целая история, цивилизация, фрагмент мировой культуры. И все из-за человеческой глупости, прежде всего, конечно, немецко-фашистской. Но и союзники руку приложили, и наши советские добились город, не только замок. Совсем иначе отнеслись к «трофейным» городам поляки: посмотрите на бывшие ганзейские города Гданьск и Щецин, они тоже ужасно пострадали, но там любовно сохраняют всю историю, как свою. Калининград — больной город, хотя и пытается теперь вылечиться. Но ему не стать Кёнигсбергом, и не надо пытаться это сделать. Надо только сохранить оставшиеся страницы утраченного текста и попытаться создать новые, гармоничные тому, что осталось. Сорок лет назад я это смутно чувствовал, сейчас начинаю понимать.

Н. Б. Существует ли особая петербургская культура? В чем ее специфика?

В. Х. Специфика петербургской культуры — это исторический след от привития к русскому стволу западных ветвей. Творческое сожителство с европейскими переселенцами и создало петербургскую специфику: западные сдержанность, трудолюбие и достоинство на русской почве. И это постепенно воплотилось в пространстве петербургской культуры, в частности в ансамблевой архитектуре. Изгнали тех иностранцев, ушли их русские современники, вымерли их дети и внуки, а оставшихся сильно разбавили восточными переселенцами, но пространство петербургской культуры сохранилось и мало-помалу преобразует новых петербуржцев, откуда бы они ни появлялись. Москвичи многократно воссоздавали свой город, а Петербург постоянно создает петербуржцев. Вот в чем специфика. Вот и Калининград не может не испытывать влияния старой немецкой, прусской культуры, она действует уцелевшими островками, образами, камнями, даже из-под земли.

Н. Б. Вы замечательно написали о поэтике низкого. Существует ли сегодня поэтика высокого?

В. Х. Поэтика высокого — для меня это Петербург. Еду на работу через центр на Васильевский остров в университет, потом возвращаюсь домой на Литейный и каждый раз по пути читаю этот поразительный текст — Петербург, страницу за страницей. И всякий раз с удивлением и восхищением.

Н. Б. Ваш «Большой словарь русской разговорной речи», безусловно, обогатил русскую лексикографию и просится быть продолженным. Когда нам ждать продолжения и каким оно будет?

В. Х. Вы правы, нужны поправки, уточнения и, конечно, дополнения. Их уже немало, надеюсь завершить переработку к концу 2007-го — началу 2008-го, а дальше все будет зависеть от издательства. При этом так «заразился» лексикографией, что одновременно работаю еще над несколькими разными словарями. Этой осенью постараюсь закончить «Словарь субъективно-оценочных преобразований русских слов».

Благодарю Вас за вопросы и, пользуясь случаем, от души желаю процветания Калининграду и родному университету.

